

Андрей Щупов

АЛЬФОНСИАНА

Андрей Щупов

АЛЬФОНСИАНА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374497

ISBN 9785005182289

Аннотация

Перед нами пестрое смешение жанров: юмор, фантастика, детектив, реалистическая проза. Главный герой Артем, свободный художник и большой ценитель прекрасного, впутывается в одну историю за другой. За долги бандиты угрожают ему расправой. Будучи человеком активным и неглупым, он пытается выкрутиться, но это у него не очень получаются. Тем не менее, в итоге Артему помогают друзья, помогает мистика, которой нет рационального объяснения.

Содержание

АЛЬФОНСИАНА	5
Глава 1 Ваять желаю вас руками!	5
Глава 2 Просыпаюсь я однажды...	13
Глава 3 Зубы и канифоль...	24
Глава 4 Мне армия давно уж снится...	32
Глава 5 Зачем вы, девочки?..	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

АЛЬФОНСИАНА

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8228-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЬФОНСИАНА

(шутливая драма)

*«У булочной, под зимним небом,
с его свинцовой панорамой,
я занял очередь за хлебом,
я занял очередь за дамой...»
Герман Дробиз*

Глава 1 Ваять желаю вас руками!

– Уходи! Немедленно уходи!

Я по-спринтерски натягиваю брюки, деловито осведомляюсь:

– Какой этаж?

– Третий.

– Высоко! Я не десантник.

– Тогда под кровать!

– Ага! Чтобы пылью всю ночь дышать? Спасибочки!

Но пререкаться некогда, глаза у Риты точь-в-точь как у кошки, в которую летит кирпич дворового юната. Супруг ее, по слухам, – из категории крутых. Киллер – не киллер, но монстр еще тот. А посему сле-

дует поспешать. Очередной звонок в прихожей заставляет меня прыжком выскочить на балкон. Шустро осматриваюсь. Внизу далекий и удивительно бежевый асфальт, справа – водосточная труба. Само собой, ржавая в дым, фактурой напоминающую школьную промокашку восьмидесятых. Но, увы, ничего другого под рукой нет. Перелажу через перила, ласково обнимаю скрипучую жесть. Здравствуй, подруженька! Приглашаю на вальс, не урони кавалера. Труба отвечает молчанием, но перед самым носом обеспокоенный муравей угрожающе приподымает глянцевый зад. Я невольно зажмуриваюсь. Сейчас брызнет перчиком, и будет мне радость!

Шепотом ругая насекомое, пробую ползти вниз и почти тотчас застреваю. Пиджак, сволочь, задирается под мышки и не пускает. Дергаюсь, пытаюсь освободиться, но все тщетно. Положение хуже губернаторского, тем паче, что на балкон выходит... Кто бы вы думали? Ну, конечно же, он! Мой любимый легендарный ленинградский почтальон... Шучу, конечно. Должно быть, от отчаяния, потому что на балкон выходит муж моей разлюбленной подруги. Лицо у него плоское и широкое, череп деформированный – с резко скошенным лбом и круто выпирающим затылком. Такой головой удобно, наверное, бодаться. Все равно как пулей со смещенным центром тяжести. Впро-

чем, бодать меня этот монстр пока не собирается – все, чего он хочет, это выкурить одну-две сигаретки. Взирая на его приготовления, я мысленно ругаюсь. Ни рук с дороги помыть, ни щец похлебать, – сразу за курево и на балкон! И неудивительно, что первым делом этот куряка усматривает на трубе меня. Трудно не усмотреть, когда расстояние – какой-нибудь жалкий английский ярд. А ярду до сажени, как попугаю до орла. При желании можно рукой достать, а можно и кулаком.

– Куда это ты пилишь, братан?

Он озадачен и чуточку встревожен, однако от истинной разгадки пока далек. Я кое-как высвобождаю одну кисть, пальцем указываю наверх.

– На пятый, браток.

– На фига?

– Да поспорил тут с одним чудиком, что долезу. На пару флаконов.

– Белой?

– Да нет, «Мартины».

– «Мартимьяновской»? – Он задумчиво шевелит бровями, верно, прикидывая, имеет ли смысл ради пары бутылок какой-то «мартимьяновской» рисковать собственной шеей.

– Ну, а пиджак чего не снял?

Я растерянно пожимаю плечами, дескать, виноват,

не догадался.

– Голова садовая! Он же мешает! Надо было снять, – куряка уютно облокачивается татуированными ручищами о перила, видимо, собираясь и дальше лицезреть мои подвиги. – Ну давай, что ли, ползи.

Стараясь оправдать его ожидания, я начинаю усиленно шевелиться и потихоньку продвигаюсь к небу. Лезть не так уж просто, хотя помогают вбитые через каждую пару метров крюки. Некоторые из них чуть раскачиваются, что также отваги не прибавляет. Тем не менее, под бодрящим взглядом уплывающего вниз татуированного мужа я потихоньку продвигаюсь по трубе. На уровне четвертого этажа пробую слегка расслабиться и решаюсь на остановку. Хватит! Поползали! Не карабкаться же в самом деле до крыши! Без того перемазался хуже некуда...

Увы, финт не проходит. Стервец муж заглядывает снизу и снова подает советы:

– Ты ноги-то на перила поставь, перекури покуда. А то руки устанут, и кувыркнешься. – Этот юморист силло гогочет. – Потом не отскребешь от асфальта.

Я бледно улыбаюсь его остротам.

– А как отдохнешь, обхватом работай. Обхватом, соображаешь?

– Спасибо, – бормочу я.

Совет учтен, «обхватом» дело и впрямь движется

веселее, хотя на уровне пятого я чувствую, что сил уже нет и что до падения остаются считанные секунды. И вот смех! – здесь тоже стоит какая-то женщина, которая смотрит на меня во все глаза. В руках у нее тазик с бельем, на шее – традиционное украшение россиянок – ожерелье деревянных прищепок. Видимо, я отвлек мадам от важного занятия.

– Помогите! – Шепчу я. – Сейчас сорвусь.

Ситуация, конечно, пакостная. Солидный дядя в костюме скребется по трубе. Не то вор, не то сумасшедший. Женщина, впрочем, размышляет недолго, сердобольно протягивает мне мокрую тряпку.

– Хватайтесь!

Руки до того онемели, что я едва выполняю ее команду, с трудом перебираюсь на балкон. Скороговоркой выпаливаю ту же легенду. Виновато улыбаясь, киваю на дверь.

– Можно выйти через вас?

Это «через вас» звучит не столько литературно, сколько двусмысленно, и она молчит. Я, кажется, догадываюсь в чем дело. Молчание женщины всегда красноречиво. И чем красивее женщина, тем красноречивее ее молчание.

– Значит, нельзя?

– Там у меня этот на диване... – Шепотом признается она. – В смысле – муж. Лежит, газету читает.

– Господи! Пусть читает. Я пройду мимо и все.

– Здрасьте! И что он, интересно, подумает?

Действительно, что может подумать «этот на диване», видя выходящего с балкона гуманоида? Наверное, что-нибудь крайне нехорошее. Люди ныне пошли недоверчивые, бдительные до не могу.

– Так мы же ему объясним!

– Что объясним? Что вы с кем-то там поспорили, что сумеете залезть?

– Ну да!

– Ага, знаете, какой он вспыльчивый? Так он нам и поверит!

«Нам» не верят, и это грустно, я потерянно присаживаюсь на корточки.

– Ладно, я все понял. Но передохнуть-то хотя бы можно? Всего пяток минут?

Она великодушно кивает.

– Только пять минут! Вдруг он выглянет покурить?

Ну вот... И этот туда же! Развелось их – самоваров легочных! Дернул меня черт сунуться в этот улей! Знал ведь, что никто ни в какую командировку не уехал. Нынче у нас – «стрелки», а не командировки. С них либо возвращаются скоренько, либо не возвращаются совсем. Так нет, приспичило! Понадеялся за часок управиться. Даже шоколадку не поленился купить. Кажется, «Сказки Пушкина». Кавалер хре-

нов!

Спустя пяток минут я уже лезу обратно. Мимо ползут разукрашенные сохнувшим бельем этажи, на третьем в обнимку стоит знакомая парочка. Рита и ее законный хахаль. В пальцах татуированного верзилы хрустит фольга, – по очереди откусывая, они с аппетитом поедают мои «Сказки». То есть, сказки-то Пушкина, а шоколадка моя. Была. Треск и чавканье точь-в-точь как на моей ночной кухоньке. Там у меня шалит временами барабашка. Вот и эти барабашки с шоколадом управляются вполне грамотно. Муж приветствует меня, как старого знакомого.

– Ну как, получилось?

Я киваю.

– Молоток! Только ты, в натуре, в следующий раз пиджак скидывай. Я же толковал: неудобно!

Он прав, в натуре. В пиджаке неудобно. Но когда ты без пиджака, без брюк да еще не в своей квартире – это неудобно вдвойне. Но все хорошо, что хорошо кончается. Я снова внизу, и под ногами у меня умопомрачительно близкая земля. Жизнь снова продолжается, и хочется петь, смеяться, покупать шоколадки и творить новые глупости. И я творю их вполне умеренно, не забывая, что завтра у меня очередное рандеву. Возможно, кто-нибудь другой после эквилибра по водосточным трубам напился бы вдрызг, я же огра-

ничиваюсь баночкой пива и вдумчивой телепередачей «Про ТО и про ЭТО». После передачи неважно засыпается, зато и сны снятся соответствующие – столь же глупые, сколь и сладкие.

Глава 2 Просыпаюсь я однажды...

Логически рассуждая, невезучий день должен начинаться с невезучего утра. Так оно и выходит. С какой там ноги я встаю, это в головушке пропечатывается неясно, зато откладывается то оглушительное мгновение, когда, распахнув рот, я громко чихаю...

Помните свой детский жизнерадостный чих, что случался у вас вскоре после пробуждения? Потянулся ручонками, получил в глаз плевков от солнечного зайца и чихнул. С вызовом, громко и радостно. Дескать, день настал, и я настал! Дрожите жуки, червяки и гусеницы! Спичечные коробки-темницы ждут вас! А сколько замечательных гаек и гвоздиков новорожденный день вместит в наши емкие карманчики! Предвкушение счастья, ожидание подарочного слова... Примерно таким же манером чихаю сегодня и я. Результат выходит неважный. Что-то пулей вылетает изо рта, в стену ударяет зубной протез – керамика, которую мне засадили года три или четыре назад. Родной зуб был оставлен в одной из спаленок после прибытия очередного благоверного. И тут уж истории обычно повторяются один в один. Никакая дипломатия с «благоверными» не катит, можно оставить на поле брани зуб, а можно и запросто сложить

буйну голову. В общем – чихайте, граждане, но осторожно!

Озадаченно моргая, я сползаю с дивана, в слабой надежде дергаю себя за ухо. Увы, чуда не происходит, это не сон, и вместо привычного зуба язык нащупывает острогранный шершавый обрубок. Настроение враз портится. Это вам не бутерброд вниз маслом, это – гораздо хуже! Потому что уже днем мне шлепать в кафе на свидание с одной юной и весьма придиричивой особой. Она и до этого подозрительно всматривалась в мои галстуки, косилась на вынимаемые из карманов платки. Можно было не сомневаться, что недостачу переднего, можно сказать, наиболее симпатичного зуба эта придира заметит моментально. А жаль. Девочка свежая, спелая, заводная до не могу.

Шаря под диваном, я раз пять безобразно выругиваюсь. Вполне конкретно – в адрес мучившего меня стоматолога. Но ругаться в доме – плохая примета. Вроде свиста. Лучше этим не увлекаться, тем паче, что может услышать Агафон. В смысле, значит, барабашка. Я зову его Агафоном, и ему это, кажется, нравится. Все вокруг барабашек боятся, экстрасенсов на дом приглашают, священников, колдунов – пытаются выводить ночных шептунов, словно крыс каких или тараканов, я же с моим Агафоном уживаюсь вполне мирно. Даже к тому, что иной раз он бу-

дит меня по ночам, давно привык. Будит – и будит, что тут страшного? Домовой – он тоже существо живое, любит подвигаться, пошуметь, да и я вроде как уже не один – в компании.

Рука моя поочередно выуживает из-под дивана яблочный огрызок, вишневую косточку, пластмассовую крышечку от пузырька.

– Ничего! Все на пользу... – бормочу я. – Старикан шамкающий! Песок с зубками сыплется, а все туда же – с девочками по шалманам да кабакам...

Хотя, между нами говоря, это проблема века. Не девочки, понятно, – зубы. Помню, было уже нечто аналогичное на одной свадьбе. Ему за сорок, ей около того, а подлецы свидетели яблоко раздора им сунули – этакий средних размеров глобус. Яблоко и так-то грызть неудобно – оно ж большое да еще на нитке подвешено! – а когда зубки вставные и едва держаться, то дело совсем худо. В общем жених зубы в яблоко как вонзил, так и понял: обратно не вытащить. Хорошо, догадался, находчивый – прямо как Македонский, – вынул из кармана ножичек и раскромсал чертов плод пополам. Дескать, жить будем при полном плюрализме мнений. Тем и невесту спас, – она тоже подозрительно смущалась, не спешила откусывать...

Перепачкавшись в пыли, зуб я, в конце концов, нахожу. Вернее, помогает Агафон. Протез сам прыгает

в ладонь, а я поднимаюсь на ноги. Кое-как сполоснув коронку под краном, водружаю дезертира на прежнее место, осторожно трогаю указательными пальцами. Вроде ничего. Если не жевать ирисок, сойдет. По крайней мере на сегодняшний вечер.

Репетируя, я улыбаюсь перед трюмо. Зуб ведет себя безупречно, прочно сливаясь с соседями, видя грудь третьего справа и слева, особенно не кособочась, почти не шатаясь. Я удовлетворенно вздыхаю. Так-то, брат! Строй – он красив однообразием, а всякие там хиханьки- хаханьки на время придется забыть. Слова цедить скупое, слюной циркать редко – и ни в коем случае не прибегать к вульгарному ржанию! Жвачка, пение и ореховая скорлупа категорически возбраняются!

Я подмигиваю хитроману в зеркале, про себя отмечая, что не очень-то он и стар. Всего-то двадцать девять. Даже не тридцать и тем более не сорок. Можно сказать, двадцать с хвостиком. Хвостик в девять лет – он тоже всего-навсего хвостик. А пассии моей сегодняшней ровнехонько девятнадцать. Переходной возраст, муки взросления и все прочие сопутствующие радости. Ибо когда человеку маячит третий десяток – это трагедия, а когда не за горами сороковник – это всего-навсего печаль, казус местного значения и не более того.

В дверь коротко звонят, я бегу открывать, хотя делать сие не рекомендуется. Мальчик, стоящий на пороге, приветливо мне улыбается и довольно умело проводит боксерскую двойку. Слева в печень и правой в челюсть. Задумавшись о вечном, я обморочно лечу на пол. Прикладываясь затылком к паркету, слышу, как Агафон дублирует мое падением шумным «бумом». Дурачок! Он полагает, что это игра, но разве в такое играют?

Один из мальчиков, сидя на диване, любовно разглаживает на коленях джинсы, собирает с них тополиный пух, второй с видом знатока разглядывает мой этюдник с незаконченным рисунком.

– Грудь маленькая, – озабоченно бубнит он. Тыча в бумагу разваренной макарониной пальца, нравоучительно втолковывает: – Вот тут и тут надо побольше и покруглее.

– Дубина! Тогда свисать будут, – здраво возражает его приятель. – Они же тяжелые станут! И обвиснут. Что тут красивого?

– Ты не гони! Тяжелые... Это же картина! Как нарисуешь, так и будет. Никуда они не будут свисать. – Бристая голова разворачивается в мою сторону. – Слышь,

художник херов! Проработай тут и тут. Чего у ней как у пятиклассницы какой? И клычки добавь. Пусть будет девочка-вамп.

Парни в искусстве явно смысляют, советы дают дельные. Во всяком случае перечить им я не решаюсь. Смотрят, любуются – уже хорошо. Все лучше, чем тренаж кулаков. Третий из забежавших ко мне на огонек, видимо, самый главный и умный, тоже не скушает. Лицо у него неровное, бугристое – будто слеплено из снега, в глазах – печаль голодного орангутанга. Потирая ежик волос на головке-тыковке, он задумчиво излагает предложение, с которым, собственно, и зашел на огонек:

– В общем, так, Артемка. С отоваркой пока закончено, но продолжить мы можем в любой момент, смекаешь? Больно, носик распух, согласен, но так уж вся наша жизнь устроена. С горки – на саночках, в горку – с синяками.

Это, видимо, шутка, и приятели «орангутанга» с удовольствием смеются.

– Короче, не хочешь дополнительной отоварки, кое-что придется исполнить.

Я вяло киваю.

– Извольте. Разве я против?

– Согласен? Вот и клёво. Значит, ща ты ей звонишь и ясно, доходчиво растолковываешь, что вы расстае-

тесь. Мирно и полюбовно.

– Полюбовно не расстаются. Полюбовно сходятся.

– А вы расстанетесь.

– Так она мне и поверила!

– Скажешь, как надо, – поверит.

– Ну ладно, скажу. Дальше что?

– А дальше путь-дорожка к горизонту. Ты про Келаря не знал, поэтому кончать тебя никто не собирается. Но штрафец, не обессудь, возьмем.

– Какой еще штрафец! За что?

Умный обладатель головки-тыковки удивляется.

– Как за что? Девочка-то все равно чужая, а ты глаз на нее положил.

– Это она на меня положила! И к стенке притиснула. А я человек слабый, отказывать дамскому полу не привык. Пригласили в гости, вот и зашел.

– Ты пену не мешай и луну не крути. Нам лишнего не надо. Получишь то, что заработал.

– И ничего я даже не заработал... – начинаю я запальчиво, но меня прерывают хлестким подзатыльником.

– Слушай, когда говорят старшие, и не перебивай! Суть, паря, проста, как плешь: если въезжаешь на чужую территорию, будь готов к санкциям. Это, типа, закона вселенной.

– Не знаю я ваших законов!

– Незнание законов, Артемчик, не освобождает от тяжкой уголовной ответственности. Такая вот противная закавыка.

– Да я ведь и въехать не успел! – пытаюсь я оправдаться. – В смысле, значит, на территорию...

– Если бы успел, – добродушно басит гость, – база-ра бы вообще не было. Келарь таких подлянок не прощает. Послал бы не нас, а зондеркоманду. И зачистили бы за милую душу.

Заскучавший Агафон долбит в стену условным стуком. Пареньки вздрагивают и все враз вонзают в меня недоверчивые взгляды. Все равно как три острых шила.

– Это еще что такое?

– Да так... Барабашка из местных.

– Шутник! – обладатель головки-тыковки улыбается. – Короче, звони, я буду подсказывать, что да как.

Подсказывать он будет! Краснобай из Простоквашино!.. Я берусь за телефон и после серии неудачных попыток вызваниваю наконец Риту. Пропустив кучу звучных чмоков в трубку, сходу объявляю, что встретил другую и полюбил. Всем распахнутым насквозь сердцем. Такова, мол, Ритуля, жизнь, прости и не обижайся. На последнее трудно надеяться, но секунд пять-шесть у меня в запасе имеется, и отчаянной скороговоркой я пытаюсь убедить девочку, что

жизнь вовсе не закончена, и мир по-прежнему стоит на своих двоих. То есть, на трех слонах и своих ногах. Конечно же, меня очень скоро перебивают. Набрав в грудь побольше воздуха, Ритуля взрывается сверхновой. Эпитеты вроде подонка, осла и пакостной «натюрморды» сыплются из трубки, как из рога изобилия. Чтобы не чувствовать себя полным идиотом, я демонстративно протягиваю «рог изобилия» к уху моего сурового гостя. Тот с любопытством прислушивается. Полные губы его растягиваются в довольной ухмылке. Что тут скажешь! Можно и наших соотечественников порадовать! Бодрой частушкой, чарующим словом... Пальцами он изображает, что я молоток и что пора вешать трубку.

– Все, дорогая, адью! – я исполняю команду в точности.

– Молодец! Правильно базар вел. Ну, а теперь, значит, насчет штрафа...

– Ребятки, я ведь не бизик какой, не папик. Откуда я вам штраф наскребу?

– Поначалу все так мусолят. А как пару процедур проведешь, – и деньги, и золотишко – все находится.

Я призадумываюсь. После пары процедур... Какие такие процедуры он имеет в виду? Конечно, не сауну с массажем. Что же тогда?

– Короче, срок цивильный. Неделя. На бедность

твою – и суммешка довольно скромная. Три тонны баксов. Раздобудешь, – и вали на все четыре. Радуйся, что дешево отделался.

– Дешево? Три тонны баксов – это дешево?

– Это очень дешево, Артемка, – медленно и с ноткой правоучительности произносит собеседник. – Очень и очень, врубился, керя?

Не слишком уверенно я киваю. Бригадир долго и пристально смотрит на меня.

– Не понимаю. – Из груди его вырывается вздох. – Пацаны говорят, на тебя бабы западают, а ты – сморчок сморчком. Ни бицепсов, ни пресса. Даже сотика дешевого нет. Может, поделишься секретом?

Увы, это тупик. Полный и беспросветный. Поскольку ответа я не знаю, а незнание ответов перед братвой скорее всего также не освобождает от ответственности. В общем – масло масляное и так далее.

– Может, потому что я талантливый? – Лепечу я.

– Чего? Талантливый? – Гости заходятся здоровым мужским смехом. Отсмеявшись, враз поднимаются.

– Ладно, шутник, бывай. И помни о времени. Оно, типа, это... Течет быстро и незаметно.

Напоминание излишнее, поскольку я без того то и дело поглядываю на часы. Время свидания с неумолимой скоростью приближается, а я по-прежнему остаюсь беззубым. В буквальном смысле слова. Про-

тез где-то в прихожей, и значит, снова придется ползать на четвереньках.

Глава 3 Зубы и канифоль...

Неприветливые гости ушли, да и я уже на улице. Потирая ушибленное о кулак лицо, спешу к своему старому другу Семе. Смысл существования друзей в том и состоит, что у них всегда можно попросить помощи. Семен же помогает всем и охотно. Он запросто может подежурить за вас на садовом участке, легко составит компанию за столом, а уж советов даст столько, что не переварит мозг зрелого академика. Практически из ничего он делает радиоприемники, компьютерные блоки и самовары, самопально добывает водород и самогон, а на собственной кухоньке, по его словам, научился варить даже красную ртуть. Зубы он, правда, не лечит, но лиха беда начало. Правильно говорил Наполеон: главное – хлебнуть и попробовать, а там само пойдет и поедет.

Не проходит и четверти часа, как я добираюсь до Семиной лаборатории. Она расположена в центре Пионерского поселка – бревенчатая избушка с гигантской телевизионной антенной на крыше. Семен – не столько подкулачник, владеющий собственным огородом, сколько личность, к которой всегда можно обратиться за интеллектуальной поддержкой. Как у всякого нормального лодыря, у Семы есть хобби –

и даже не одно, а целых два: поэзия и электроника. Первое ублажает его большую душу, второе – ненасытный мозг. На его стихи безбедно живут две или три знаменитых российских певицы, а на склепанную из пивных банок антенну он безо всяких дорогуших адаптеров умудряется принимать «НТВ-Плюс», «НТВ-Минус» и еще около сорока загадочных программ. Возможно, даже из космоса.

Я приближаюсь к дому, тщетно пытаюсь заглянуть в занавешенные окна. Парадокс в том, что у этого Лавуазье-Кулибина по сию пору нет звонка, зато имеются жена и сын, живущие, правда, не здесь, а в доме со всеми удобствами, этажа на четыре повыше, сложенном из цивильного, по всем правилам обожженного кирпича. Я деликатно стучу по филенке правой ногой, и дверь немедленно открывается.

Семен, как всегда, красив. Желтые, с розовой каймой подтяжки, несколько великоватая футболка с надписью: «Touch me, kiss me, stupid boy!», сиреневые, не скрывающие полосатых носков джинсы. К этому следует добавить бумажный жевыш лица, волевой нос работы неизвестного мастера, рыжеватую реденькую бородку, в которой как обычно темнеют и белеют какие-то крошки и скорлупки. Но главная сегодняшняя деталь – это два довольно симметрично расположенных синяка.

– Братуха, ты? – Кажется, и на моем лице Семен угадывает следы недавнего рукоприкладства, ибо тотчас заключает меня в объятия. – Нас бьют, мы летаем! Над крышей и выше! Потому что мы, как этот...

– Чертополох?

– Да нет, другое хотел вспомнить... – Семена пробиывает на слезу, и он шумно сморкается в полотенце, одновременно служащее и платком. – Ништяк, братуха, не грузись. Один хрен, наше время взойшло! Так что не убьют.

– Тебя-то за что?

– За клип, – Семен обнимает меня за плечи и ведет в дом. Я привычно и не без удовольствия кручу головой. Все здесь по-прежнему, как и много лет назад, – облатки из-под дискет, семечная шелуха, скомканные листы со стихами, рассыпанные, точно сокровища Али-Бабы, радиодетали, вездесущее крошево канифоли. Даже пыль, серебристым флером покрывающая плафоны, книги и верстаки, лишь местами потревожена отпечатками пальцев любопытных. Кровать, как обычно не заправлена, стопочка книг любовно разместились в объемистой сковородке. Нерабочий барометр в форме огромного штурвала украшает стену, чуть ниже на полочке коллекция зубных паст, чуть выше – фотографии Лондона, Кеннеди, Крамарова и Энгельса. Расклеены фотографии

этакой пирамидкой, на вершине которой – портрет самого Семена. Великие венчают его, подпирая своими сияющими аурами. В их окружении лучащийся усталой улыбкой фотообраз хозяина чувствует себя более чем уверенно.

– Что еще за клип?

– Клипушник мне, понимаешь, заказали. Фрай один – из новоструев. Видишь ли, компьютерные спецэффекты – дорого, так ему меня порекомендовали.

– Ну и что?

– Ничего. Ему герой требовался. Типа, нашего времени. Ну, а я и объяснил, что время относительно. Типа, все мы герои времени, но не нашего, а взошедшего...

– Как это?

– Ты даешь? Я что – и тебе должен что-то там объяснять?

– Ладно, ладно! Дальше-то что?

– Ничего. Встретились, поговорили, он бабки выложил, попросил уложиться в смету. Я подсчитал, покумекал и понял, что можно даже сэкономить. Решил сделать, как у французов в одной клипухе. Там у них, значит, чувак один по улице идет и всех распахивает. Музон, значит, играет, а он, знай себе, пилит и в ус не дует. Так вот – мы еще круче придумали. Вовсе без всякой массовки. Я вроде как каратист и всем вокруг

помогаю. Санька даже «Москвичом» своим пожертвовал. У него все равно трещина на лобовом, так я его вдрызг разнес. Потом еще по машинам каким-то прогулялся, тетку через улицу перенес.

– Перенес?

– Ну да. Не худая такая – хотела через дорожное ограждение переползти, а я ее – в охапку и аллюром на другую сторону. Понятно, вопли, визг, а я, знай себе, несу. В общем, все стильно, чуть грыжу себе не схлопотал... Возле остановки шпану шугнул, скворечник на дереве поправил. Импровизируем, короче, по полной программе. А тут новоструй какой-то тормозит, из тачки выползает и за пивом прет без очереди. Я тут же к нему – и броском через бедро на спину. Думал, он один, а там их целая кодла в тачке. Накинулись, конечно, прессовать стали. Причем оператор-мудрила снимает. Думает, так и надо. В общем, наваляли мне по первое число. Зато и клипуха вышла натуральная. И в бюджет, прикинь, уложились.

– Здорово! У тебя, получается, деньги есть?

– Уже нет. Вчера были, а сегодня только это.

Звякает бутылка, в стакан проливается светлая струйка.

– Угощайся и не благодари!

– Спасибо, не буцду. Рано еще.

– Лучше рано, чем поздно. Пей!

– Разве что глоток.

– Давай, давай!

Я цежу огненный яд. Организм медленно цепенеет, в ушах начинает звучать нота «фа».

– Во-от! Теперь ты свой... – Семен удовлетворенно опускается напротив, выкладывает на стол поросшие рыжим волосом руки. – А насчет денег не тушуйся. Я ведь только аванс получил. Завтра остальное выбью. – Королевским жестом он обводит замусоренный стол.

– Хочешь, селедочкой закуси. Поройся в тарелке, может, осталось еще.

– Не хочу, – я оглушенно мотаю головой.

– Тогда объясни, почему от грязных мужчин пахнет сыром?

– А кто здесь грязный мужчина?

– Грязных мужчин здесь нет, это я чисто теоретически. Для поддержания светского разговора.

– Может, сформулировать наоборот? Почему от сыра пахнет грязными мужчинами?

– Логично! – Семен кивает. – А главное – по существу. Ибо мужчина, Тема, – существо специфическое. Раз в месяц в баню – святое дело, и пусть потом кто скажет, что он не чист и не свеж, а от носков его пахнет квашеным луком. Юный розанчик – вот что такое – повседневный мужчина! А насчет сыра – так я

тебе просто и прямо скажу: все враки! От и до!

– Ты о чем?

– А о том. – Семен снисходительно кривит губы. – Читал я, к примеру, вашего Робинзона Крузо, так?

– Ну?

– Ты не нукай, ты на вопрос отвечай: у него там козы были?

– Вроде были.

– Тогда какого черта он выпрашивал кусочек сыра? Неужели не мог за двадцать восемь лет научиться гнать его из козьего молока?

– Гонят самогон.

– Из козьего молока? – Семен качает головой. – Сыр – да, но не самогон! Взбалтываешь, варишь, солишь – и готово! Вот я и спрашиваю: зачем он просил сыр?

Голову у меня кружит. То ли от водки, то ли от мыслей о сыре.

– А у кого он просил сыр?

– Не у Пятницы же! Ясное дело – у Джимма.

Я усиленно моргаю.

– Какого Джимма?

– Не читал, что ли? Они еще там на остров поехали. Сокровища искать. Катер арендовали, и понеслась. Приехали, значит, а там Робинзон с попугаем. Отводит в кустики и сыра кусок просит.

– Так это же этот... Бен Ган просил!.. Бен Ган, а не Крузо!

Семен вскидывает голову, нервно теребит пучок волос на подбородке.

– А ты не путаешь? Это ведь классика!

– Ну да! Я тоже когда-то читал. Кажется, в классе третьем. Хотя... – Я задумываюсь. – Козы у него, по моему, тоже водились. У Бена Гана.

– Вот видишь! А ты байки мне рассказываешь. – Семен удовлетворенно протягивает руку к бутылке. – Еще по одной?

Я мотаю головой. Центробежная сила разбрасывает студень мозгового вещества, безжалостно вжимает в стенки черепа. Однако главной мысли я еще не утратил.

– Мне бы зуб, Сема! Срочно и чтобы держался. Сема понимает все с полуслова.

– Ну-ка!

Я открываю рот, и Семен озабоченно хмурит брови.

– Мда... Припой тут не поможет, а вот на канифоль можно попробовать.

Он тут же приносит паяльник и коробку с канифолью, Я в ужасе гляжу на дымящее жало и торопливо поднимаюсь. Ничего не объясняя, судорожно жму Семину руку и выскакиваю из избы.

Глава 4 Мне армия давно уж снится...

Увы, надежда на школьного стоматолога, давнюю мою приятельницу, также не оправдывается. Поглядывая на меня с подозрением, дамы в учительской словоохотливо объясняют, что докторша убрела в декрет, и ждать ее ранее чем годика через два-три бесполезно. Сообщением я не просто удивлен, – раздавлен. Где-то над зданием школы скрипуче хохочут незримые ангелы, едва слышно трепещут их воробьиные крылышки. Не сомневаюсь, что именно эти пузатые орлы удружили мне с декретом. Впрочем, как и со всем сегодняшним днем. Даже поскрипеть зубами невозможно. Приходится довольствоваться беседой с военруком – беседой, потому как проскользнуть мимо зоркого ветерана не получается. Уроки военного дела ведутся прямо в коридоре, и, конечно же, наш старикан майор меня примечает. Потрепанным броненосцем плывет навстречу, лихо вскидывает к козырьку загорелую ладонь.

– Здравия желаю, Артемчик!

– И вам того же, товарищ майор! – Я посылаю сигнал лицевым мускулам и расплываюсь в радушной улыбке. Впрочем, майор того заслуживает. Бравый наш военрук несмотря на пенсионный возраст вы-

глядит вполне бедово. Бойся, девки, русских парней! В особенности – майоров. Металлический полумесяц отшлифованных языком коронок сводит с ума, капустаный кочан на фуражке вызывает черную зависть. Мундир безукоризненно выглажен, чуть выше ватерлинии – глянец юбилейных и боевых наград, ниже – штаны с лампасами, на заду – лихо приколотая любимыми учениками бумажка с кружком мишени и дерзкими словами: «Целься, лохи, сюда!»

– Хорошо выглядишь. Правда, правда! – майор, лучась фиксатой улыбкой, обнимает меня за талию. С ранее неведомым любопытством я заглядываю ему в рот, заботливо пересчитываю фиксы. Одна золотая, четыре из нержавеющей стали – всего, стало быть, пять. Точь-в-точь как лучиков у кремлевской звезды. Интересно, у майора они тоже вылетают? Или стоят до последнего, насмерть?

– Слышал, какого штурмовика в наших лабораториях отгрохали! С обратной стреловидностью крыла! Нигде нет, а у нас есть.

– Исессно! Наша авиация лучшая в мире! – Подыгрываю я. – Если надо, поднимем в небушко Су-37, и те же «Стелз» пачками на землю посыплются.

Майор трепетно хватается меня за плечо.

– А Ту-160-й! Наш непревзойденный, с тридцатью шестью ракетами на борту! Его ж одного на всю на-

товскую эскадрилью хватит!

– Кто же спорит, товарищ майор! Вы бы еще про «Черную Акулу» помянули! Разве можно ее с чем-нибудь сравнивать? Запад – сыт и оттого ленив. Что они могут там придумать, кроме стиральных машин с кофеварками?

Голова майора умиленно качается – точь-в-точь, как у китайского болванчика. Подобные речи наш военрук обожал и в прежние времена, – сейчас подобный бальзам для него первейшая необходимость. Вроде бальзама «Битнера» перед сном. Что поделаешь, поколение ветеранов, бравших Варшаву и Прагу, лечится призрачным могуществом былого, потребляя воспоминания, как микстуру – горькую, но целебную. По паре таблеточек в день, по чайной ложечке с утра. Вот, дескать, помню, вставал я и шел в магазин за кефиром, кефира не было, зато имелось молоко – по двадцать восемь копеек за литр! Двадцать восемь, дорогие мои! Не центов, не рублей, а копеек!.. Словом, жили памятью о прошлых завоеваниях, цеплялись за кромки расколовшегося айсберга. Западный «Титаник», скалясь иллюминаторами, описывал вокруг тонущих развеселые круги, но мы вовсе не тонули! Мы делали вид, что плещемся и закаляемся, с браса переходя на лихой кроль, к иллюминаторам и расплюснутым о стекло пятачкам любопытствующим

щих протягивая разудалые славянские кукиши. СОСа ждете? Не дождетесь! Не соснуть вам во веки веков нашей слабости!..

– Да-а! Молодцом ты стал, определенно – молодцом! – гудит военрук. – А о Никоновском автомате слышал что-нибудь? Чудо, говорят, двадцать первого века!

– Ясное дело, слышал. У нас во дворе мальцы семилетние из досок их выстругивают.

– Ну да?

– Так гордятся же!

– Это хорошо. Надо им, понимаешь, внушать... Не можешь дать детям богатств, дай идеологию! Когда нищие материально нищают духовно, это совсем скверно... В Пентагоне, говорят, не смогли понять устройства автомата. Разобрать-то разобрали, а обратно собрать не сумели, представляешь? Два военспеца с расстройства в отставку подали.

– Может, не два, а больше. Пугать не хотят.

– Оно конечно! Не оскудеет земля русская умами. Петр Артамонов первый велосипед у нас выдумал, а ездим на китайских драндулетах, это как?

– Свинство и недогляд.

– Вот именно! Но все поправимо, Артем! Уверяю тебя, – майор заговорщицки приближается. – Мы все равно как тараканы! Нас травят, а мы только сильнее

становимся.

**Я тут же припоминаю недавнее словоизлияние Се-
мы. Может, они даже знакомы?**

**– Ничего, Артем, травленные да угнетаемые всегда
умели сплачиваться. Этакий отпор на внешнее пре-
зрение. Правительство на нас чихает, Европа санкци-
ями засыпает, а мы им новацию за новацией!**

**– Такие речи – и в школе? – я начинаю говорить чуть
тише.**

**– Своим огольцам я, понятно, такого не говорю, –
военрук доверительно улыбается. – Только тебе, Тема
и никому больше.**

**– Честно скажу, польщен... Вы-то как? На пенсию
не тянет?**

**– Да тянет, конечно, как без этого. С удочкой поси-
деть, за грибами в лесок сбегать. Только как я буду без
них? – Он передергивает плечом, имея в виду оболту-
сов за спиной. – Я же их, стервецов, люблю. Даже ны-
нешних. Вы, разумеется, лучше были, но я и к этим
привык. Дети, Артем, – штука светлая, радостная. За-
дорные глаза, добрые сердца...**

**Я исподтишка бросаю взор в сторону учащихся.
«Задорным глазом» один из них как раз целит
из пластмассового пистолетика в бумажную мишень,
приклеенную чуть ниже спины майора, приятели со-
рванца часто и ловко бухают из плевательных тру-**

бок хлебным мякишем по воробьям в открытом окне. И только парочка отличников за сдвинутыми партами добросовестно гремит железом, собирая и разбирая на время автомат Калашникова. В отличие от пентагоновских генералов дело у них спорится. Проигравшему звонко отвешиваются щелбаны и саечки. Видимо, деньги у бедолаги давно закончились.

– Да, Артем... День возле них проведешь и словно перерождаешься. Вот, ей Богу, словно заряжаешься какой-то доброй и светлой энергией!

– Но ведь хулиганят.

– А как иначе! Не без того. Только они ведь по-доброму хулиганят. От переизбытка, так сказать, сил...

Именно в эту секунду «добрые хулиганы» за спиной майора взрываются торжествующими воплями. Один из воробьев на карнизе, кувыркнувшись, заваливается лапками кверху и бьет крыльями. Хлебная пулька попала точно в десятку. Что и говорить, переизбыток энергии – штука хлопотная.

Глава 5 Зачем вы, девочки?..

Авось – слово хорошее, романтическое. Мираж в туманной авоське, славянское подобие мечты. И зря его ругают всем скопом. Мода у нас такая дурацкая – ругать и хвалить коллективом. Когда в стране разгром, когда трудно на кого-либо положиться, только это самое слово и остается. Оно – вроде слова чести, только честью клялись в веках прошлых – преимущественно дремучих, а нынче явилась замена более прогрессивная. Честь приболела гриппом и где-то даже слегка скончалась, вот и осталась одна надежда на «авось». Неконкретная, иллюзорная, но оттого не менее воодушевляющая. Пусть все вокруг плохо, мир злой и дурной, а денег как не платили, так и не платят – и все-таки авось! Выживем, переживем, заживем...

В общем, не получилось с Семеном – не страшно! Не вышло со стоматологом – ладно! Трех тонн баксов в кошельке тоже нет, зато с грехом пополам набирается порция дензнаков на кафе. А посему в искомое заведение я отправляюсь вполне бодрым шагом, решив, что наше национальное «авось» не подведет и здесь.

Девонька моя запаздывает минут на двадцать-тридцать, но поскольку и сам я, зная дамские

привычки, принимаю энную поправку, ждать приходится совсем недолго. В зал мы входим почти одновременно. Приятно улыбаясь друг дружке, оккупируем ядовито розовый столик, чуть погодя, приступаем к светскому диалогу.

– Замечательная погода, не правда ли?

Девонька смущенно фыркает и тянется к вилке.

– Прикольно ты как-то говоришь.

– Да нет, я на полном серьезе! Ветер дует, солнце блещет! Лужи – и те сегодня какие-то особенные.

– Я тоже в одну ступила. Думала, мелко, а там, блин, по колено. Теперь чавкает в туфле.

– В левой?

– Ага... – Девонька на пару секунд прислушалась к собственным ощущениям. – А может, и в правой, я не запомнила.

– Если в правой, то не страшно. Важно, что Интернет близится, и люди веселеют! Эра безграмотности уходит в небытие.

Девонька моя согласно кивает.

– Пива бы. А то тут, фигали, один сок!

– Сделаем! Анекдот хочешь?

– А то!

– Тогда слушай. Шварценеггер приходит к даме, а там муж. Он его ставит в сторонку, мелом круг очерчивает. Дескать, только переступи, в порошок сотру!

И к подружке. Исполнил все как положено, оделся, ушел. Жена к мужу подходит, презрительно кривится: «Эх, ты!». А тот дрожит и кричит: «Думаешь, я трус! Трус, да? Да я черту три раза переступал!»

– Прикольно! – Девонька смешливо фыркает, и замшевые ушки ее симпатично краснеют.

– А вот еще. Опять про Шварценеггера. Он, значит, с дамой в постели лежит-полеживает, а тут муж из командировки. Он в шкаф – шнырь, а муж раздетую супругу увидел, взъярился. «Сейчас, – говорит, – найду гада!» К шкафу подбегает, дверцу распахивает, а там Шварценеггер бицепс массирует и спокойно так спрашивает: «Ну что, мужик, нашел?» Муж опешил, отвечает: «Да нет, еще на кухне не смотрел...»

Девонька гогочет, как сумасшедшая, что дает мне повод подержать ее за талию, – еще упадет ненароком! Чувствуя дуновение ветерка, гуляющего в ее симпатичной головке, я начинаю лучше понимать стариков, тянущихся к молодым. Это подобие ностальгии, своего рода зависть. Молодостью хочется заразиться как гриппом с ангиной. По счастью, вирус юности легко передается. Через глаза, нос, уши и... Да, да – и, конечно, через все остальное.

Я заботлив и предупредителен. Когда пирожное попадает юной хохотушке не в то горло, я аккуратно похлопываю ее по пояснице и чуть ниже. Словом,

обед идет своим чередом, в словесном потоке легко и просто текут ванильно-кремовые минуты. Я успеваю рассказать дюжину анекдотов и трижды ловлю под столом девичью руку. Накладные ногти царапают мою ладонь, девочка отчаянно краснеет, однако руки из плена не вырывает.

Когда оркестранты, раздув щеки, приникают к жестяным трубам, и воздух взрывает барабанная дробь, соседка кивает в сторону сцены.

– О! Медляк пошел! Потанцуем?

Мы идем танцевать «медляк», чинно и благородно обнимаемся. Я шепчу ей на ушко комплименты, ушко ответно розовеет. После заключительных аккордов королевским шагом мы возвращаемся на место.

Спотык случается на самом, казалось бы, ровном месте. Я проявляю осторожность с пицей, кусаю выпечку робко и мелко, однако залетаю на обыденном киселе. Вернее, название там какое-то другое, но в действительности напиток являет собой банальный фруктовый кисель с парой слив на дне и каким-то сахарным крошевом на поверхности. Короче говоря, зуб, работавший до сего момента с завидной безупречностью, неожиданно ссорится с соседями и, без спроса покинув строй, солдатиком ныряет в означенный кисель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.